

Извеков Аркадий Игоревич

**ВОЗНИКНОВЕНИЕ МЕТАФИЗИКИ "ВОЛИ К БЛАГОПОЛУЧИЮ" КАК РЕАКЦИЯ НА СИТУАЦИЮ
НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ СМЫСЛА**

В статье рассматривается вопрос о дефинициях культуры, способных показать дополнительные инструменты понимания ее кризиса. На рубеже XIX-XX вв. многие данные указывают на возникновение нестабильного в эзистенциально-смысловой сфере самосознания. Выход из затруднительной ситуации - распространение прагматических ценностей цивилизации. Однако подобный способ формирования жизненных смыслов является ложным по отношению к духовной свободе. Это обстоятельство предопределяет новую волну кризиса, длящуюся и в настоящее время.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/8-2/21.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2015. № 8 (58): в 3-х ч. Ч. II. С. 86-89. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

SOCIAL AND ECONOMIC CONSEQUENCES OF STALIN'S COLLECTIVIZATION OF THE VILLAGE IN THE MORDOVIAN ASSR

Evdokimov Aleksei Petrovich

*Mordovian State Pedagogical Institute named after M. E. Evseev
rus_history@mordgpi.ru*

In the article the basic assessments of Stalin's modernization of the village in all-Russian and regional (The Republic of Mordovia) historiography are analyzed. The author gives the most important economic indicators of the agriculture of the Mordovian ASSR by the end of the 1930s (the total yields of cereal crops, livestock number, material and technical base) and considers the socio-demographic consequences of the collectivization of the multinational village of the Middle Volga region (repressions, famine, migration).

Key words and phrases: Russian village; Mordovia; agriculture; collectivization; kolkhozes (collective farms); repressions; famine; social and economic crisis.

УДК 130.2

Философские науки

В статье рассматривается вопрос о дефинициях культуры, способных показать дополнительные инструменты понимания ее кризиса. На рубеже XIX-XX вв. многие данные указывают на возникновение нестабильного в экзистенциально-смысловой сфере самосознания. Выход из затруднительной ситуации – распространение прагматических ценностей цивилизации. Однако подобный способ формирования жизненных смыслов является ложным по отношению к духовной свободе. Это обстоятельство предопределяет новую волну кризиса, длиющуюся и в настоящее время.

Ключевые слова и фразы: метанарратив; кризис культуры; неопределенность смысла; прагматизм; духовная свобода.

Извеков Аркадий Игоревич, к. филос. н., доцент

Институт специальной педагогики и психологии имени Рауля Валленберга (г. Санкт-Петербург)

Arkady.izvekov@gmail.com

ВОЗНИКНОВЕНИЕ МЕТАФИЗИКИ «ВОЛИ К БЛАГОПОЛУЧИЮ» КАК РЕАКЦИЯ НА СИТУАЦИЮ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ СМЫСЛА[©]

Ситуация неопределенности смысла сложилась в результате кризиса европейской культуры рубежа XIX-XX веков. Об этом кризисе заговорили еще в середине XIX столетия, но по мере приближения к XX-му применительно к культуре все чаще стали использовать определения «закат», «смерть», «катастрофа». Чуть позже появились ширящиеся подозрения в том, что прагматические ценности цивилизации totally «завладели» духовными основами бытия. Почему возник вопрос о кризисе, по каким причинам стали говорить о гибели культуры, насколько оправданы негативные оценки в адрес прагматических ценностей? Все это очень важные вопросы в гуманитаристике наших дней, ищущей пути преодоления современных экзистенциальных проблем человека. В этом отношении обращение к теоретизированию на тему культуры почти полуторавековой давности не только полезно, но и может иметь методологическое значение. Одно из ведущих мест здесь принадлежит аксиологии.

В дефинициях Г. Риккерта культура вполне соответствует эталонам немецкой классической философии – это совокупность объектов и явлений в материальной и духовной сферах, каковыми могут быть мораль, язык, право, искусство. Однако, в отличие от классического варианта, он полагал, что все многообразие культуры возникает потому, что существуют трансцендентные ценности [15]. Риккерт настаивал, что только с «оглядкой» на сверхчувственное человек определяет смысл предметного, самого по себе не содержащего смысла, мира и выражает его во вне. В. Виндельбанд отдает должное и кантовскому критицизму: «Под культурой, – указывает Виндельбанд, – мы в конечном счете понимаем не что иное как совокупность всего того, что человеческое сознание в силу присущей ему разумности вырабатывает из данного ему материала...» [4, с. 58].

В начале XX века далеко не только неокантианство пыталось доказать внеэмпирическое и даже божественное происхождение ценностей. Н. Лосский, например, утверждал, что ценность есть нечто, выходящее за пределы противоположности субъекта и объекта, так как обуславливается отношением субъекта к тому, что выше всякого субъективного бытия, то есть к «Божественной Абсолютной полноте бытия» [11, с. 29].

Подобный стиль мышления прямо или косвенно присутствует не только в метафизике, но даже и в эмпирически ориентированных социологических доктринах. Э. Дюркгейм полагал, что причиной моральных обязательств являются «идеи о трансцендентном», вне зависимости от того, какую форму они принимают, либо все они – метафоры [7]. В социологии культуры А. Вебера утверждается еще более схожая с неокантианством позиция [3]. По его мнению, способ решения вопроса о смысле в любом случае основывается на «сверххвильных стремлениях».

Ближе к нашим дням данная тема получила новое звучание в знаменитой концепции метанарративов Ж.-Ф. Лиотара [10]. Метанарратив – это «большое» повествование, «большой» рассказ о мире, который содержит в себе исчерпывающую его трактовку. Таковая включает и объяснение истока мира, и смысла его истории, а иногда даже и вероятного финала. При этом бытие представляется разумно устроенной целостностью, в которой место человека просто, очевидно, ясно.

Под такое определение метанарратива попадают многие «канонические» концепции истолкования мира: античная мифология, Тора, Коран или Библия. Однако эпоха модерна постепенно поставила под сомнение любой из ранее существовавших метанарративов, предложив взамен свои, основанные на вере в науку и искусство. Совершенно неважно, был ли исходный постулат метанарратива (обозначим его S) предопределен верой в то, что Космос возникает из Хаоса, или что Бог творит мир из ничего, или что смысл мира раскроют наука и искусство. Безотносительно конкретики постулата – он, некий постулат S, – был отправной точкой в суждении о мире, бескомпромиссно и принципиально не подлежащей сомнению.

Вера в исходный постулат S обуславливала всю происходящую из него последовательность постулатов S1, S2, S3, ... S_n, составлявших поле смыслового содержания мира, то есть метанарратив. Данная в нем экспликация предустановленного закона состоит из образов и слов, усвоение которых дает человеку определенность смысла. В более широком контексте культуры и метанарратив были явлениями одного порядка; у них общие слова и образы. Метанарратив есть передаваемый по традиции рассказ культуры о внеэмпирических предeterminантах смысла бытия. Культура воплощает его не только в словах, но и в живописи, архитектуре, музыке, словом, во всем том, что вместе с метарассказом составляет ее общую ткань.

Получается, что в «докризисном» варианте культуры определяется как процесс и результат творческой деятельности, осуществляющей в соответствии с ценностями, по сути трансцендентными. Фактически здесь идет речь о некоем принципе наивной дедукции смысла, осуществленном в том числе и в нарративе. Как и всякая дедукция вообще [14, с. 328], наивная дедукция смысла всегда должна была опираться на какое-то основание. Оно не могло возникнуть иначе, кроме как через наивное доверие собственным словам о его «объективном» наличии и содержании. Иначе говоря, истина об основании никогда не устанавливалась эмпирически, в этом один из признаков «наивности».

Однако Новое время постепенно поставило под сомнение любой из ранее существовавших метанарративов. Ситуация изменилась на рубеже XVI-XVII веков, когда начали формироваться процессы технанизации с целью господства над природой. Это привело к тому, что XIX век стал веком цивилизации и государства без культуры. Человек сосредоточился исключительно на удовлетворении прагматических запросов, присущих законам движения капитализма.

В этом контексте непосредственно для кризиса европейской культуры рубежа XIX-XX веков главное событие состоит в том, что нарастающие сомнения превратились в недоверие трансцендентному, вслед за чем уже ничто не могло дать уверенность в объективном наличии основания для осуществления наивной дедукции смысла. Иначе говоря, после «смерти Бога» все слова о любых «старых» основаниях теряли доверие. Вслед за этим любые нарративы и рациональные метафизические конструкты становились неубедительными. Неопределенность в отношении основания стала причиной сначала распада прежних цепочек дедукции на несвязанные фрагменты, а позже привела к невозможности прежних форм наивной дедукции вообще. Как следствие, ширелись подозрения в полной бессмыслиности мира и человека.

Все спекуляции, направленные на попытки восстановить пошатнувшийся порядок определения смысла, устаревали скорее, чем их авторы успевали додумать свои теории до конца. Неокантианство восприняло нуллификацию наивной дедукции как признак и причину упадка культуры, и его реакция на кризис выражалась в конструировании представлений о культуре, которой уже практически не было. В таком контексте кажется оправданной точка зрения, в соответствии с которой полное понимание механизма воспроизведения культуры свидетельствует о невозможности ее дальнейшего функционирования [16].

Фактически неокантианство предприняло попытку «вернуть» ценности, которые не могут быть переоценены, как этого требовал Ницше. «Биологический принцип» Ч. Дарвина, отразившийся, по мнению Г. Риккerta, в философии Ницше и Бергсона, вместо «сверхчеловека» указывает на обезьяну. «Беспринципность» философии жизни вела, казалось, к пугающему отказу от культурной перспективы. Поэтому в трансцендентное место «умершего» Бога понадобилось поместить интеллектуальный конструкт, от которого ожидали четкой цели, указывающей на что-то, кроме прагматических перспектив. Следовательно, в кризисе «умирала» культура метанарратива. И это же означает «перерождение» рационального «кода» европейской культуры и, в целом, «перерождение» европейского самосознания [9].

Неизбежное следствие такой трансформации – возникновение ситуации неопределенности смысла бытия, в которой прежние формы рационального мировоззрения становятся бессильными и потому бесполезными для интерпретации нравственного содержания мира. Недоверие словам об основании сделало наивную дедукцию неосуществимой. Прежние цепочки дедукции теряли актуальность, а аналогичные новые не могли возникнуть в принципе.

Поле постуляции смысла заполнялось тем, что строится на совершенно другом принципе, полагающемся на интуицию, чувства, ощущения. Место мировоззрения было занято мироощущением, принцип которого совершенно иной: оно исходит из внериональности основ бытия, а не их «разумности». Данная ситуация – прямой признак кризисного сознания, одна из главных особенностей которого – нестабильность.

Возникающие при этом новые механизмы стабилизации апеллируют к другим – «не наивным» – принципам, которые не возвращают прежнюю определенность смысла, но дают компенсаторное состояние успокоенности. Мироощущение вообще, и кризисное в особенности, доверяет не словам о рациональном истоке

мира, а чувству, дающему хотя бы мнимую стабильность. В последствии такое мироощущение с неизбежностью доверяется тому, что остается определенным и ясным, дано в качестве просчитываемого научно-техническим разумом, но не содержит критериев определения смысла бытия. Так европейский рационализм претерпел кардинальную трансформацию в сторону прагматизма и смешения таких понятий, как нравственная цель и средства существования.

Основным и в какой-то степени естественным выходом из состояния неопределенности стала забота о повседневности, то есть превращение задачи поддержания средств существования в сверхсмысл. Одновременно провозгласили торжество механико-прагматической цивилизации, базирующейся на тезисе англо-американской философии «истинно то, что полезно» [5].

Подобный прагматизм в чем-то родственен романтизму, что подметил еще Ч. Пирс [13]. Структурно их объединяет утверждение человеческой возможности индетерминированного конструирования истины, находящейся «вне» реальности. Фактические следствия из этого – разные по форме, но одинаковы по сути. И прагматизм, и романтизм пытались отыскать смысл мира, находящийся где-то и вне эмпирической реальности, и вне божественного (или просто обожествленного) разума. Проблема неопределенности смысла, спровоцировавшая человека на поиск нового средства его обнаружения, разрешается тем самым созданием его иллюзии.

Близко к такому иллюзорному варианту выхода из ситуации неопределенности смысла находится философия жизни. В. Дильтея и А. Бергсон признавали неспособность разума устанавливать человеческие цели, что заставило выбрать «внутреннюю силу животной жизни» [1; 2; 6]. Г. Зиммель представил эмпирический мир не как бытие, а как совокупность сущего, то есть совокупность условий, которые обрели характер высших ценностей [8]. Они составили «круг контроля и учета» прагматически просчитываемых средств существования. И только внутри него человек мог черпать и практические основы самоутверждения, и нравственную оценку своей практики.

Критерий нравственной цели, обращенный к средствам, не снимает проблему нестабильности кризисного сознания. Артефакты цивилизации как совокупности средств существования решением человека могут быть превращены в новые основания дедукции смысла. Но эти имманентные ценности лишь наделяются свойствами сакральных, тогда как прежние, пусть и наивные, являлись таковыми по изначальному определению. Эта трансформация обусловила существенное отличие новых цепочек дедукции, возникающих из новых оснований, от «старых», бывших следствиями из трансцендентного S.

Следствия дедукции смысла из новых оснований со временем «суммировались» в новую метафизику цивилизации. Это «образование» было уже не банальной заботой о повседневности, а чем-то значительно большим – социально конституированной «волей к благополучию». Ее наиболее явный вариант оказался воплощенным в так называемых «буржуазных ценностях». Однако причина распространения метафизики «воли к благополучию» по сути та же, что и в случае с заботой о повседневности: и то, и другое – легко «добываемый» анестетик от ситуации неопределенности смысла.

Со временем новая метафизика превратилась в антипод системы нравственных ценностей. Как следствие, аксиоматика «воли к благополучию» была подвергнута всесторонней, в некоторых случаях совершенно беспощадной критике, что во многом было справедливо. Ценности эпохи победившего капитализма обвинили в меркантилизме, флинистерстве, бездуховности и безнравственности. Объявив их тотальное господство, оставалось только провозгласить эру человека – социального животного, случайно оснащенного разумом и потому создающего науку и технику, но совершенно бессмысленно существующего в безразличной к нему Вселенной.

Вместе с тем, в значительном числе случаев сама по себе неопределенность в вопросе смыслового содержания мира осталась незамеченной. Метафизика «воли к благополучию» не в состоянии ни доказать, ни верифицировать, ни фальсифицировать истинность своих постулатов относительно любых нравственных целей человека и человечества. В ситуации неопределенности смысла эти вопросы остаются открытыми для свободного решения человека. Но для того, чтобы распознать и, тем более, принять такую свободу, потребовалось еще много усилий. Один из значительных шагов в этом направлении был предпринят Франкфуртской школой, многие положения которой имеют методологическое значение для современной исследовательской практики.

Список литературы

1. Бергсон А. Два источника морали и религии / пер. с фр., примеч. А. Б. Гофмана. М.: Канон, 1994. 382 с.
2. Бергсон А. Творческая эволюция / пер. с фр. В. Флеровой. М.: Терра-Книжный клуб; Канон-пресс-Ц, 2001. 381 с.
3. Вебер А. Избранное / пер. с нем.; сост. С. Я. Левит. СПб.: Университетская книга, 1998. 564 с.
4. Виндельбанд В. Философия культуры и трансцендентальный идеализм / пер. с нем. С. И. Гессена // Культурология. XX век: антология / гл. ред. и сост. С. Я. Левит. М.: Юрист, 1995. С. 57-69.
5. Джеймс В. Прагматизм: Новое название для некоторых старых методов мышления / пер. с англ. П. Юшкевича. СПб.: Шиповник, 1910. 240 с.
6. Дильтея В. Воздзрение на мир и исследование человека со времен Возрождения и Реформации / пер. с нем. М. И. Левиной. М.-Иерусалим: Унив. кн.; Gesherim, 2000. 463 с.
7. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / пер. с фр., сост., примеч. А. Б. Гофмана. М.: Канон, 1995. 352 с.
8. Зиммель Г. Конфликт современности / пер. с нем. Е. М. Арсеньева // Культурология. XX век: антология / гл. ред. и сост. С. Я. Левит. М.: Юрист, 1995. С. 378-398.
9. Извеков А. И. Последствия трансформации европейской рациональности: Кризис идентичности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 3 (53): в 3-х ч. Ч. 1. С. 99-103.

10. **Лиотар Ж.-Ф.** Состояние постмодерна / пер. с фр. Н. А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Альянс, 1998. 159 с.
11. **Лосский Н. О.** Ценность и бытие. М.: Республика, 1994. 432 с.
12. **Ницше Ф.** Воля к власти: опыт переоценки всех ценностей / пер. с нем. М.: REFL-book, 1994. 352 с.
13. **Пирс Ч.** Начала pragmatизма / пер. с англ., предисл. В. В. Кирюченко, М. В. Колопатина. СПб.: Лаборатория метафизических исследований философского факультета СПбГУ; Альянс, 2000. 318 с.
14. **Рассел Б.** История западной философии и ее связи с политическими и социальными условиями от античности до наших дней / пер. с англ. Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 1997. 815 с.
15. **Риккерт Г.** Науки о природе и науки о духе / пер. с нем. М. Е. Зингера // Культурология. XX век: антология / гл. ред. и сост. С. Я. Левит. М.: Юрист, 1995. С. 69-104.
16. **Солонин Ю.** Философия культуры: Методологическая оценка кризиса культур // Гуманитарное знание: межвуз. сб. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1991. С. 128-136.

**ORIGIN OF METAPHYSICS OF “WILL FOR PROSPERITY”
AS A RESPONSE TO SITUATION OF UNCERTAINTY OF MEANING**

Izvekov Arkadii Igorevich, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Institute of Special Pedagogy and Psychology named after R. Wallenberg
Arkady.izvekov@gmail.com

The article examines the definitions of culture able to provide additional tools to understand its crisis. At the turn of the XIX-XX centuries a large amount of data indicates to the origin of the unstable in the existential and meaningful sphere of self-consciousness. The way out from the difficult situation is the propagation of the pragmatic values of civilization. However such method to form vital meanings is a false one in relation to spiritual freedom. This fact predetermines a new wave of crisis lasting up to now.

Key words and phrases: meta-narration; crisis of culture; uncertainty of meaning; pragmatism; spiritual freedom.

УДК 37.1

Педагогические науки

В статье рассматривается процесс разработки концептуальных основ учебного процесса в школах США на рубеже XIX-XX веков. Авторы выделяют существенные изменения структуры образования, обусловленные появлением ряда прогрессивных педагогических трудов европейских и американских ученых. При анализе особенностей становления образования в США сделан вывод, что к концу XIX века данная модель существенно отличалась от аналогичных школ других стран спецификой структуры и организацией учебного процесса. Отмечены достоинства и недостатки американской школы в указанный период.

Ключевые слова и фразы: школьные реформы; структура; организация; учебный процесс; средняя школа; образовательная теория; образовательные проекты.

Йованович Тамара Георгиевна, к. пед. н., доцент

Кохташвили Наталья Ивановна

Маркова Ольга Васильевна

Волгоградский государственный технический университет

jojanovic.tamara@yandex.ru; nat.koxta@yandex.ru; markovsg@gmail.com

**ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ
СРЕДНЕГО ОБРАЗОВАНИЯ США В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА[®]**

В каждый исторический период эффективность общеобразовательной школы является важным показателем степени развития любой страны, ее экономического, социально-технического потенциала и международного авторитета.

Хотя человечество накопило значительный опыт в организации школьного дела, каждая культура и нация учитывает не только специфические условия своей страны, но и опыт педагогов-новаторов других стран. В этих условиях закономерно возрастает интерес российской научно-педагогической общественности к зарубежной школе, ее историческому опыту и достижениям.

Одним из наиболее перспективных путей может стать изучение исторического опыта США в деле реформирования средней школы, поскольку именно в США прошли апробацию различные образовательные проекты, направленные, прежде всего, на развитие разносторонней индивидуальности молодого поколения. В частности, в Америке наиболее интенсивным и значительным этапом становления и развития школьной образовательной системы можно считать конец XIX – начало XX века. Именно тогда завершается процесс становления американской нации, и педагогика как составная часть культуры США вступает в период своего бурного развития. В интенсивно проводящихся школьных реформах США того периода находили отражение важнейшие педагогические проблемы: структура общеобразовательной школы, ее взаимосвязь с промышленным производством, соответствие общего содержания образования требованиям общества, дифференциация обучения, поиск оптимальных путей выявления способностей учащихся.